

Прокофьев
Сергей

25/VI-91г.

По страницам «Музыкальной жизни»

Молодежь Узбекистана. Ташкент, - 1991. - 25 июня

«Мои представления об отце довольно контрастны...»

В 1918 году уже хорошо известный России композитор и пианист Сергей Прокофьев уехал за границу — вначале он жил в США, а с 1923 года обосновался в Париже.

В 1923 году Прокофьев женился на молодой испанской певице Лине Любера. Во Франции родились их сыновья — Святослав и Олег.

Обозреватель журнала «Музыкальная жизнь» Наталья Савкина недавно встретилась с сыном композитора — Святославом Сергеевичем Прокофьевым, проживающим ныне в США.

— Святослав Сергеевич, расскажите, пожалуйста, о вашем парижском детстве, об образе жизни вашей семьи, ее быте. Каких людей из окружения Сергея Сергеевича вы помните!

— В Париже одно время родители часто переезжали с квартиры на квартиру, но в последние годы постоянно жили в одной.

Некоторое время домработницей у нас был китайский студент, учившийся в Париже. Он занимался разными хозяйственными делами — уборкой, покупками. Когда подавал обед, почему-то всегда надевал белые перчатки. Родители, конечно, этого не требовали — у нас все было довольно просто, ни о каком чванстве и речи быть не могло! Видимо, он считал, что так положено... Я рассказываю о нем еще и потому, что это был Си Синхай, позднее — известный в Китае композитор.

Пока мы жили во Франции, родители все время одергивали нас: «Говори по-русски!». Когда переехали в Москву — «Говорите по-французски!». Мы всегда поступали наоборот, и нам постоянно влетало. Между собой родители общались по-русски. В маме не было русской крови, но язык она знала хорошо, прекрасно говорила и на других — испанском, английском, французском, немецком, итальянском — и на всех без акцента. Отец же, хоть и хорошо знал языки, писал на них письма, все-таки говорил по-французски с акцентом, по-английски тоже, так что ему естественнее всего было изъясняться

по-русски.

— Существует немало версий, которые по-разному истолковывают возвращение Прокофьева в Советский Союз. А что думаете об этом вы!

— Идея возвращения в СССР принадлежала, конечно, ему. Как истинно русский человек, он скучал по России. Приезжая в Советский Союз с концертами, имевшими огромный успех, он встречался со многими старыми друзьями, ну а старые друзья — это не новые друзья. Я не думаю, что причиной возвращения был только триумф концертов в СССР. Незадолго до этого он получил очень выгодное во всех отношениях предложение из США — от какого-то университета. Об этом рассказывала мама, она потом вспоминала это предложение. И вот здесь, я думаю, велика именно ее роль: ведь она поддерживала отца и решила ехать с ним в незнакомую ей страну, оставив в Париже одинокую старую мать.

Жалел ли отец, что вернулся? Мне трудно судить, так как он оставил семью в феврале 1941 года, когда мне едва исполнилось 17 лет. Потом мы встречались редко. Так, я видел его несколько раз до войны, а потом уже только после Победы. Целая война пролегла между нами!

— Мы приближаемся к началу 1948 года, который принес сразу несколько событий. Я думаю, самым драматичным для вас стал арест матери. Как это произошло!

— Когда отец решил оформить свой новый брак, а суде ему, к его огромному удив-

лению, сказали, что разводиться вовсе не нужно: брак, заключенный 1 октября 1923 года в Эттале (Германия), сочли теперь недействительным, так как он не был зарегистрирован в советском консульстве. Мама, въехавшая в СССР как жена Прокофьева, в какой-то таинственный момент вдруг перестала ею быть. Так он смог расписаться с новой женой без развода. Позже юристы мне говорили, что в советской юридической практике даже известен «казус Прокофьева».

Маму арестовали 20 февраля, под вечер. Нам позвонили по телефону и сказали, что какие-то знакомые просили что-то ей передать. Соседи по дому видели, как она подошла к стоящей у ворот дома машине, и ее буквально туда затолкали. К нам сразу же поднялись с обыском.

...На следующий день мы с братом поехали к отцу на дачу.

Видно было, что известие, которое мы привезли с собой, его потрясло. Он был какой-то подавленный и очень молчаливый. Конечно, он, вероятно, чувствовал, что какая-то часть вины лежит и на нем: если бы они не разошлись, может быть, этого и не случилось бы.

Маму признали виновной в шпионаже и измене Родине и вынесли приговор — двадцать лет строгих лагерей.

...Через некоторое время после того, как мы начали наши бесплодные поиски мамы в справочных МГБ, нам, наконец, сообщили о приговоре и разрешили писать в Абезь. В

этом лагере недалеко от Воркуты мама провела лет шесть.

— Известно ли вам что-либо об отношении Сергея Сергеевича к постановлению 1948 года, к атмосфере творческой жизни, сложившейся тогда? Каково было его состояние в последние годы!

— В те годы мы общались мало. Но я помню, как он огорчился, что по радио, например, постоянно звучал набор одних и тех же сочинений, которые были официально признаны и считались лучшими: «Ромео и Джульетта», «Александр Невский»... «Как будто я ничего другого не написал!» — говорил он тогда. Ведь большая часть его произведений была в 1948 году просто запрещена для испол-

нения... Конечно, его потрясло двуличие некоторых людей, например, Д. Б. Кабалевского. Предали отца и другие — те, что прежде пели ему осанну, — они вдруг «поняли», как сильно ошибались, и стали критиковать его с тем же рвением, с каким раньше восхваляли. Нужно ли говорить о том, что позднее эти люди в очередной раз переменили взгляды и, приостановив травлю, опять стали восхищаться.

После 1948 года у отца участились изнурительные приступы головных болей: гипертонические кризы следовали один за другим.

По совету врачей отец стал жить преимущественно на даче, 5 марта 1953 года он скончался во время одного из при-

ступов. Ему не было и 62 лет.

Каким он остался в моей памяти? Мои представления об отце довольно контрастны. В воспоминаниях детства — энергичный и трудолюбивый, изобретательный и жизнерадостный, оживленный и веселый.

В последние годы жизни отец сохранил чувство юмора и трудоспособность, и все же в его состоянии (а ведь он еще был не старым человеком и должен был быть в расцвете сил) ощущались какая-то угнетенность, затаившаяся горечь и утомление, которые, по-моему, отражали пережитое.

Материал публикуется в сокращении.